

Машина замерла у въезда в старый жилой квартал. Цзи Чэн вылез из салона с банковской картой в руке, но во двор проходить не стал. Остался у обочины — набрал чей-то номер и застыл в ожидании.

Заметив, что парень не спешит идти дальше, Лу Цзюньсянь выбрался вслед за ним.

Фонари вдоль разбитой дороги стояли ещё старой постройки, тусклые и заплывшие копотью; лиц в их желтоватом свете было толком не разглядеть. Цзюньсянь мазнул взглядом по обветшалой будке дежурного. Ворота были распахнуты настежь — въезжай кто хочет, никакой пропускной системы.

— Не пойдёшь внутрь? — спросил Лу Цзюньсянь, поравнявшись с юношей.

Цзи Чэн качнул головой:

— Тётя сама выйдет.

Цзюньсянь лишь понимающе кивнул. Он смутно ощущал, что парень держится от родственников подальше, и навязываться с уговорами не стал. И всё же, глядя на то, как Цзи Чэн стоит в своей одинокой толстовке посреди пронизывающего ночного ветра, Лу Цзюньсянь почувствовал, как сжимается сердце от жалости.

Он только собрался предложить подождать в машине, как со стороны двора выбежала женщина, замотанная по самые глаза в пуховик, шарф и шапку. Цзюньсянь отошёл немного в сторону, чтобы не мешать их разговору.

Цзи Чэн протянул ей карту, на которой лежала вся сумма — сто тринадцать тысяч юаней. Женщина опешила, её пальцы, сжавшие пластик, задрожали.

— Сяо Чэн, откуда у тебя такие деньги?! Не слушай ты своего дядю, он вечно торопит! Семье они не горят, не смей только лезть в какую-нибудь чернуху!

— Деньги честные. Пин-код — дата моего рождения, — спокойно отозвался Цзи Чэн. Затем достал из кармана отсчитанные две тысячи наличными и тоже вложил ей в ладонь. — Это бабушке на юбилей. Меня на празднике не будет.

Женщина ахнула и сдёрнула шарф с подбородка:

— Куда ты собрался?! Это дядя опять ляпнул глупость? Не обращай внимания, ему лишь бы из-за копейки поворчать! Пока ты дома, тётя хоть присмотреть за тобой может. А уедешь — кто о тебе позаботится?!

— Я и сам справлюсь. Живите спокойно и больше не ссорьтесь из-за меня.

С этими словами Цзи Чэн шагнул вперёд, крепко обнял тётю, а затем развернулся и, не оглядываясь, пересёк дорогу, направившись к машине Лу Цзюньсяня.

Цзюньсянь видел, как женщина так и осталась стоять у ворот, ошеломлённо глядя им вслед. Её руки с зажатыми деньгами и картой мелкой дрожью колотила дрожь — возможно, она плакала, но окликать племянника больше не стала.

Тихо вздохнув, Лу Цзюньсянь вернулся в автомобиль.

На переднем сиденье Цзи Чэн выглядел абсолютно спокойным. Он молча пристегнулся и устался прямо перед собой.

Когда Цзюньсянь сел за руль, юноша повернул к нему голову, сделал глубокий вдох и тихо произнёс:

— Теперь я окончательно один.

Цзюньсянь бросил взгляд в окно: тётя уже повернула обратно во двор. Ему стало безумно жаль этого парня, и он не удержался — мягко погладил его по голове.

Цзи Чэн весь одеревенел от этого прикосновения, чуть мотнул головой, но тут же еле слышно пробормотал:

— Я им всё равно не нужен. Одному даже лучше.

— Один ты не останешься, — тепло возразил Цзюньсянь. — У тебя появятся новые друзья, да и настоящая семья ещё будет. На съёмочной площадке весело, быстро со всеми сойдёшься.

Он утешал юношу как мог, а Цзи Чэн ничего не отвечал, лишь молча пылал ушами, упиваясь ласковым поглаживанием.

Цзюньсянь решил, что у парня снова включился режим фанатского трепета, и не придавал этому значения. Однако лишь попав на съёмочную площадку, Лу Цзюньсянь осознаёт: говоря «один», Цзи Чэн имел в виду буквально полное одиночество. Он действительно не искал ни с кем дружбы и держал всех вокруг на расстоянии вытянутой руки.

В глухую зимнюю пору долго оставаться на улице не хотелось. Они быстро вернулись в

особняк. Всю дорогу Лу Цзюньсянь больше не касался семейных дел Цзи Чэна, стараясь выбирать самые незатейливые темы для разговора, и тот, краснея ушами, безукоризненно вежливо ему отвечал.

Дома Цзюньсянь первым делом пристегнул поводок к ошейнику Маомао, собираясь вывести пса на прогулку. Цзи Чэн бесшумной тенью поплёлся следом.

При одном взгляде на его лёгкую толстовку Цзюньсяню самому становилось холодно.

— Поди переоденься. На улице мороз, не хватало ещё слечь с простудой прямо перед съёмками.

Цзи Чэн окинул взглядом свою одежду и спорить не стал — молча подошёл к чемодану, оставленному в гостиной, и откинул крышку.

Видимо, из-за того, что юноша с ранних лет привык заботиться о себе сам, вещи внутри лежали в идеальном порядке. Всё было сложено стопочка к стопочке, аккуратно и строго — разительный контраст с безалаберностью большинства молодых парней. У Цзюньсяня даже глаз порадовался.

Впрочем, эта радость мгновенно улетучилась, едва он разглядел содержимое.

Цзи Чэн покопался в аккуратных стопках и выудил... ещё одну толстовку, лишь слегка более плотную.

— Ты что, в самый разгар зимы уезжаешь с одними худи? Другого ничего нет? — Цзюньсянь, держа в одной руке поводок, слегка наклонился, с трудом удерживаясь от желания самому залезть в чемодан и перерыть его.

— Зимние куртки стали малы, — буднично объяснил Цзи Чэн. — А те, что ещё влезают, совсем старые. К тому же они громоздкие, чемодан плохо закрывается, вот я их и не взял.

Цзюньсянь лишился дара речи.

Малы?! Ему же скоро выпускаться из университета, он что, всё ещё растёт?! Цзюньсянь невольно заподозрил, что эти «куртки» остались у него ещё со школьных времён, оттого и трещали теперь по швам.

— А новых нет?

— Нет.

Цзи Чэн уже собирался закрыть чемодан, как вдруг заметил в сетчатом кармашке на крышке одинокую конфету на палочке.

Подарок маленькой двоюродной сестрёнки — дочки его тётки, которой едва исполнилось четыре года. Кроха ничего не понимала во взрослых делах: не знала, что старший брат должен её семье денег, не замечала его угрюмой отстранённости. Встречая его в подъезде, она всегда радостно звенела своим детским голоском.

В тот день, когда малышка сунула ему эту конфету, Цзи Чэн почувствовал, будто весь мир вокруг на мгновение озарился светом. Если бы все люди были настолько же искренними, насколько славно бы жилось?

Вспомнив об этом, Цзи Чэн достал леденец, посмотрел на него и пощупал обёртку — свежий.

— Держите, — он поднялся и протянул конфету Лу Цзюньсяню.

Цзюньсянь опешил. Смена темы оказалась настолько внезапной, что оставалось только про себя ухмыльнуться.

Он перевёл взгляд с леденца на бесстрастное лицо Цзи Чэна, в глубине глаз которого, казалось, замерцали едва заметные искры тепла.

— Спасибо. Я как раз люблю сладкое.

Заметив, как кончики ушей юноши снова начинают розоветь, а пальцы — предательски поддрагивать, Цзюньсянь с улыбкой принял угощение.

Сладкое он и правда любил, но вот леденцы на палочке давно не ел — взрослый всё-таки человек, ходить с конфетным огрызком за щекой немного неловко. Но обидеть Цзи Чэна, чьи глаза лучились надеждой, он просто не мог.

А Цзи Чэн тут же прочно зафиксировал в памяти: Лу Цзюньсянь любит леденцы.

Глядя, как парень с довольным видом опустил на корточки и закрыл чемодан, Цзюньсянь не удержался от мягкого смеха:

— И в этой толстовке ты собирался ехать на съёмки?

Цзи Чэн поставил чемодан у стены и кивнул:

— Мне не холодно.

— Правда не холодно? Или денег жалко?

Цзи Чэн помедлил, сжал пальцами плотную ткань на рукаве и тихо произнёс:

— Поначалу, когда только начинал подрабатывать, было тяжело — на одежду не хватало. В семье тётки из-за расходов на меня постоянно вспыхивали ссоры, вот я и зарёкся брать у них хоть грош. А потом привык. Мороз не замечаю, так зачем покупать?

Привык к холоду...

Эти слова отозвались в груди Лу Цзюньсяня резким, болезненным уколом. Он вздохнул, сорвал яркую обёртку с конфеты и отправил леденец в рот — ему срочно требовалось добавить в жизнь немного сладости, чтобы заглушить эту тоску.

— Какое бы ни было здоровье, одеваться надо по погоде.

Бросив поводок, Цзюньсянь взял Цзи Чэна за руку и потянул за собой на второй этаж.

Маомао взглянул на оставленную на полу петлю, подхватил её зубами и, сам себя «выгуливая», с радостным тьяканьем притрусил вслед за хозяином.

Заведя Цзи Чэна в гардеробную при хозяйской спальне, Лу Цзюньсянь быстро отыскал несколько свободных пальто и объемных пуховиков.

— Уж слишком поздно, а завтра ни свет ни заря на площадку, купить ничего не успеем. Поносишь пока моё. У меня мать — дизайнер одежды, так что вещей в доме завались.

Покачивая леденцом во рту, Цзюньсянь достал длинный чёрный пуховик с глубоким капюшоном, рассчитанный на сильные морозы, и стал натягивать его на юношу.

Цзи Чэн даже толком испугаться не успел — его просто послушно развернули, заставили продеть руки в рукава и с головой укутали в плотную ткань.

Застёгнув замок, Цзюньсянь накинул капюшон ему на голову, отступил на шаг и критически осмотрел результат. Скроенная оверсайз вещь сидела на Цзи Чэне свободно, а по длине опускалась чуть ниже колен, совсем не скрывая его бесконечно длинных ног.

— Вот эта в самый раз. Мать в этом году сшила, хотела, чтобы я кутался как колобок. А мне она казалась слишком огромной: для работы неудобно, а дома без надобности.

Цзюньсянь улыбнулся, приподнял руку Цзи Чэна и поправил манжет — рукав сидел идеально.

Цзи Чэн не произносил ни слова, безропотно позволяя делать с собой всё что угодно. Из-за надвинутого капюшона лица его почти не было видно.

Застегнув молнию до самого верха, Цзюньсянь вдруг осознал, что парень за всё это время не издал ни звука.

Он чуть приподнял голову, заглянул под пышную опушку капюшона... и оцепенел. Цзи Чэн плакал!

Лу Цзюньсянь от неожиданности аж вздрогнул. Он мгновенно откинул капюшон назад и замер в растерянности: по каменному, абсолютно невозмутимому лицу юноши одна за другой катились крупные, с горошину, слезы.

— Ты чего? Что стряслось?

Цзи Чэн качнул головой, молча смахнул слезу тыльной стороной ладони, но они продолжали литься ручьём.

Вспомнив, как легко парень пускал слезу на пробах, Цзюньсянь поспешно вытащил из коробки салфетку и стал осторожно утирать ему лицо.

Цзи Чэн забрал салфетку, с силой тёр щеки раз за разом, но слезы упрямо не останавливались.

Это были не съёмки. Это прорывались настоящие, долго сдерживаемые чувства, которые нельзя было перекрыть по щелчку пальцев.

Лу Цзюньсянь всё понимал: Цзи Чэну нужно было дать выход боли. Вся эта ночь далась ему слишком тяжело, несмотря на внешнее спокойствие.

— Поплачь, — с мягкой улыбкой прошептал Лу Цзюньсянь. Он погладил юношу по голове и, шагнув ближе, крепко обнял его.

Цзи Чэн в то же мгновение одеревенел, а слезы застыли сами собой.

Пальцы его дробно задрожали. Превозмогая оцепенение, он робко, украдкой обнял Цзюньсяня в ответ. Выпрямился, вытянул шею и затаил дыхание, больше всего на свете боясь, что его глупые слезы промочат плечо Лу Цзюньсяня.